

Нет, столько звёзд, как бывало, во времена высоких технологий почему-то не наблюдается, а помню... Помню, выйдешь из дома, а звёзд в диаманте небес – дух захватывает! Будто сыпнула наотмашь щедрая рука! Великаны, малютки, проказницы – мерцают, смеются, словно давно во дворе ждут, из дома вызывают. А заметив знакомые глаза, обрадуются, как дети, искренне и неподдельно!

Сядешь на крылечке, прижмёшься плечами к деревянной стене и ощутишь, как отдаёт она последнее тепло, накопленное за день. Обласканная дневным светилом, она и сама ищет, кого бы обнять, кого в кручине утешить... Легко так станет – усталость, словно вода, убегает. Разомлеешь, голову запрокинешь, звёзды считать начинаешь. Они – как друзья недостижимые, но... всегда верные, загадочные. Кликнешь которую по имени – голос почтовой птицей всё выше, выше космическую толщу пронизывает... Через некоторое время звезда и откликнется: кокетливо подмигнёт, повернётся – платье с другой стороны явит и вновь струится в безграничный мир неустанным светом.

Надумаешь на сеновале заночевать – и вовсе до рассвета глаз не сомкнёшь. Бухнешься в объятия душистого сена – и улетишь в звёздное приволье, улавливая шепоток с высоты. А тишина – слух не насытит!.. Даже собаки не лают. Может, и они, высунув сонные морды из будок, парят в цветении звёздных садов? Ни мышь не прошмыгнёт, ни паучок в углу незастеклённого окошка не шелохнется. И только первый петух нехотя и робко нарушит эту тишину, объявив о завершении маленького променада, об окончании короткого свидания.

Нынче же... бежишь с работы, уткнув взор в квадратные лбы марширующих троллейбусов – нужный поджидаешь. Заберёшься в его ограниченное со всех сторон пространство и, уставив один глаз в окаймление оконного проёма, а другой – в прямоугольник современного друга-телефона, наблюдаешь за искусственным течением бытия и жизнью улиц, обрамлённых квадратами домов. В замкнутой кабинке лифта взлетишь в монотонность очередной конфигурации, заключённой четвёркой углов, глухих и скучных, и... Если и появится минутка на небо взглянуть – только и видишь: плывёт

одинёхонек-месяц да кое-где, побеждая настырный блэкбэнд урбанизации, звёздочки его сопровождают.

А когда-то же... Выскочишь из тёплого дома в ядрёный осенний утренник, охватишь взглядом и душой открытые горизонты, вдохнёшь их свободу полной грудью, да и удивишься: на шершавых ладонях крыш красуются животиками тыквы беременные... Как они туда попали?

Бабушка смеётся: «Это звёздочки с неба слетели...»

Память быстро обновила зрелища августовских вечеров: лёгкие ветры трогают кожу, очаровывая бархатом уходящего лета. А звёзды, звёзды-молодухи, так и отрываются от баклажанно-чёрного полотнища небес и величественно устремляются в новый виток жизни, оставляя после себя мимолётный штрих невесомого флёра. Немного грустное шествие, но какое торжественное, какое многообещающее!

– Очень скоро мы примем у них роды, – остановила ход воспоминаний бабушка, – тогда опять на небе появится множество маленьких звёздочек – новых тебе друзей, а пока... Пусть полежат немного, время ещё не пришло...

Время, время, время, – отзывалось эхом сердце каждому шагу, а день за днём тянулись невыносимо долго. Как же не терпелось увидеть рождение звёздных младенцев и почувствовать их дыхание не где-то высоко в небе, а здесь, на земле, совсем рядом! Прикоснуться к ним, в руках подержать! Разве такое возможно? Может, поэтому через каждые полчаса я подбегала к двери, чтобы понаблюдать, не снимал ли кто обувь у порога, а с губ так и срывалось:

– Скажите, пожалуйста, а время ещё не пришло?

– Время... – в конце концов произнёс настенный радиоприёмник.

За ежедневной работой бабушка давно забыла о нашей с ней беседе и даже представить себе не могла, почему внучка так часто задаёт один и тот же вопрос, и какой смысл для неё имеет это загадочное слово.

– Ура-а-а! – оживилась я. – Время! Время пришло!

Женщина медленно выпрямилась, обхватив поясицу уставшими пальцами... Заправила белую прядь волос, выбившуюся из тесного плена платка на свободу, посмотрела на меня хитро и вскоре промолвила:

– Ну, время – так время.

Сердце мое затрепетало! Понеслось! А она... не в такт спокойно, не в такт размеренно направлялась под стреху низенькой баньки.

Хозяйка сняла с крыши самую спелую, оранжево-красную с зелёной прожилкой тыквину и важно положила её в ночёвки, которые пахли ароматной древесиной (их смастерил дед из ствола огромного дерева). Очень бережно, аж дыхание в этот момент перехватило, разрешила пушистое брюшко плода и...

О-о-о, сколько их?! Малютки-семечки! младенцы-звёздочки! Целая артель! Целая уйма! Бабушка ласково улыбнулась и торжественно вложила в мою маленькую ладошку несколько скользких зёрнышек:

– Ну, принимай новорожденных!

И впрямь, чем больше беременных тыкв попадало в деревянное корыто, тем богаче и богаче урожайные грядки небес засеивались ясными, играющими кристальным сиянием звёздочками!

Куда они нынче подевались? Где та щедрая рука, что сеет богато?

Стою неподвижно, теменью скованная, ищу глазами... а что? Голос родной пытаюсь уловить, а вокруг тишина непривычная.

Оглянулась... Бабушки не стало.

Бабы Зоси, бабушки моей подруги Анжелы, давно нет...

На прошлой неделе Хадосиха руки сложила... В последнее время у сына жила, в городе...

Уловить бы живой запах ночёвок... Исчезли. Да и зачем они, если не падают тыквы на крыши?

Крыши ... Крыши ... Крыши ...

Где вы, шершавые ладони деревенек наших?